

Петръ Великій Императоръ Россіи въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 гг.

Всѣ историки—русскіе и иностранные признають громадное значеніе для Россіи путешествій за границу Петра Великаго. Маколей, въ своей исторіи Англіи, говоритъ, что эти путешествія составляютъ „эпоху не только въ Исторіи Россіи, но также Англіи и, наконецъ, во всемірной исторіи“.

Изъ заграничныхъ путешествій Петра I особое значеніе въ исторіи его царствованія имѣють путешествія его въ Голландію, 1697 и 1717 гг. и пребываніе въ Заандамѣ, гдѣ еще до сихъ поръ сохраняется домъ, въ которомъ великій Преобразователь Россіи жилъ и работалъ. Здѣсь, по выраженію поэта Жуковскаго, „колыбель“ Россійской имперіи, „здѣсь родилась великая Россія“¹⁾.

Главнѣйшимъ источникомъ къ исторіи путешествій Петра Вел. въ Голландію служитъ книга голландскаго ученаго (члена Нидерландскаго института научныхъ знаній въ Гаарлемѣ, занимавшаго, въ то же время, въ Заандамѣ крупную муниципальную должность) *Схелтемы* (Scheltema): „*Петръ Великій, Императоръ Россіи, въ Голландіи и въ Заандамѣ въ 1697 и 1717 и.*“.

Книга эта составлена, главнымъ образомъ, на основаніи двухъ, современныхъ описываемой эпохѣ, рукописей: „*Днев-*

¹⁾ Это выраженіе заимствовано изъ небольшого стихотворенія Жуковскаго, написаннаго имъ на стѣнѣ домика Петра Великаго въ Заандамѣ, во время посѣщенія этого домика, еще наследникомъ, Александромъ II. Приводимъ здѣсь эти прекрасные стихи въ полномъ ихъ видѣ:

„Надъ бѣдной хижиною сей
Летаютъ ангелы святыя.
Великій князь! благоговѣй:
Здѣсь колыбель имперіи Твоей,
Здѣсь родилась великая Россія!“

ника *Иоанна Ноомена*, члена заандамскаго городского совѣта, и *записной книжки Корнелія Кальфа*, одного изъ крупнѣйшихъ коммерсантовъ въ Заандамъ, затѣмъ, извѣстныхъ преданій, и, наконецъ, извѣстнѣйшихъ печатныхъ трудовъ, близкихъ къ эпохѣ Петра Великаго.

Названный трудъ ученаго голландца извѣстенъ русскимъ историкамъ Петра I, дѣлающимъ, при описаніи соответственной эпохи, многія ссылки на этотъ источникъ. Но оригиналъ книги написанъ на почти неизвѣстномъ въ Россіи голландскомъ (онъ же нидерландскій) языкѣ. Полнаго перевода книги на русскій языкъ до сихъ поръ не было (да, сколько извѣстно— не имѣется перевода и на другіе языки). Журналъ перваго путешествія Петра Вел. въ чужіе края помѣщенъ отрывками у Голикова. Затѣмъ были напечатаны извлеченія изъ книги Схельтемы въ одномъ изъ старинныхъ періодическихъ изданій, давно прекратившихъ свое существованіе, а именно—въ „Духъ Журналовъ“ за 1816 г. Журналъ этотъ, за означенный годъ, составляетъ нынѣ большую библиографическую рѣдкость.

Такимъ образомъ, если бы кто пожелалъ ознакомиться ближе и полнѣе съ книгою Схельтемы въ строгой послѣдовательности всѣхъ событій и обстоятельствъ, связанныхъ съ путешествіями Петра I въ Голландію, и прослѣдить эти событія день за днемъ, то, при незнаніи голландскаго языка, встрѣтились бы громадныя затрудненія.

Въ виду этого, редакція „Русской Старины“ даетъ здѣсь переводъ на русскій языкъ существеннѣйшей части книги Схельтемы, а именно—описанія двукратнаго путешествія Петра Великаго въ Голландію и пребыванія его въ Заандамъ.

Помимо интереса, представляемаго книгою Схельтемы въ качествѣ чуть не единственнаго источника по исторіи данной эпохи царствованія Петра Великаго, книга эта представляетъ интересъ и въ другомъ отношеніи, а именно: съ нею связывается воспоминаніе объ Императорѣ Александрѣ Благословенномъ, которому авторомъ этой книги былъ лично поднесенъ этотъ трудъ о Петрѣ Великомъ въ 1814 г., въ Заандамъ во время посѣщенія Александромъ Благословеннымъ знаменитаго дома Петра Великаго.

Этотъ эпизодъ—посѣщеніе Заандама Императоромъ Александромъ I и поднесеніе ему Схельтемою своего труда о Петрѣ I описанъ въ другомъ трудѣ того же голландскаго ученаго, посвященномъ описанію путешествія Императора Александра Благословеннаго въ Голландію и въ Заандамъ и изданномъ въ

томъ же 1814 г., вскорѣ послѣ отъѣзда Императора изъ Голландіи подъ заглавіемъ: „Императоръ Александръ I въ Голландіи и въ Заандамъ въ 1814 г.“.

Настоящій переводъ съ голландскаго (нидерландскаго) языка на русскій языкъ сдѣланъ давнимъ сотрудникомъ „Русской Старины“ и бывшимъ бібліотекаремъ Генеральнаго и Главнаго Штаба—*А. С. Ламинскимъ*.

Ему принадлежитъ нѣсколько крупныѣ переводовъ съ нѣмецкаго, англійскаго и итальянскаго языковъ. Заинтересовавшись трудами о Россіи (о Петрѣ Великомъ и объ Александрѣ I) нидерландскаго ученаго *Схелтсмы*,—онъ изучилъ голландскій (нидерландскій) языкъ съ спеціальною цѣлью перевода на русскій языкъ обоихъ названныхъ трудовъ для редакціи „Русской Старины“, что въ настоящее время имъ и исполнено.

Ред.

Первое путешествіе Петра Великаго въ Голландію.

Снаряженіе великаго посольства въ Голландію и отъѣздъ его.

Задумавъ совершить путешествіе въ Голландію, Петръ Великій, чувствовавшій всегда, при всѣхъ обстоятельствахъ, сильное нерасположеніе, граничившее съ отвращеніемъ ко всякимъ пышнымъ и торжественнымъ церемоніаламъ, естественно желалъ быть свободнымъ, во время такого путешествія, отъ всѣхъ стѣснительныхъ для него правилъ этикета. Вслѣдствіе этого Петръ рѣшилъ снарядить въ Голландію особое посольство, при которомъ онъ оставался бы, насколько это было бы возможно, неузнаннымъ, числясь просто состоящимъ въ свитѣ посольства. Было условлено, что всѣ почести должны будутъ воздаваться одному только посольству, а самъ Царь будетъ оставаться совершенно въ сторонѣ.

Въ это посольство назначены были три крупнѣйшихъ сановника въ Россійскомъ государствѣ: *Дефортъ*, носившій званіе намѣстника Великаго Новгорода, генералъ и адмиралъ, тотъ самый человекъ, который пробудилъ въ Царѣ иснасытимую жажду знанія,—былъ поставленъ во главѣ посольства; графъ Федоръ Алексѣевичъ *Головинъ*, сибирскій намѣстникъ, былъ вторымъ лицомъ посольства; это былъ опытнѣйшій государ-

ственный дѣятель и дипломатъ, другъ иностранцевъ и въ то же время любитель и покровитель наукъ и искусствъ; третьимъ лицомъ посольства былъ канцлеръ Прокопій Богдановичъ *Возницынъ*, человекъ также извѣстный своимъ государственнымъ умомъ и большою опытностью, приобрѣтенною имъ при поѣздкахъ его съ дипломатическими миссіями въ Персію, Турцію, Польшу и Венецію.

Лефорта сопровождалъ одинъ изъ его племянниковъ въ качествѣ секретаря посольства; при Головинѣ состояли одинъ его сынъ, братъ и шуринъ, а при третьемъ послѣ — два племянника.

Въ числѣ кавалеровъ посольства перваго ранга мы находимъ имена: князя Бориса *Куракина*, Якова *Доморукова*, Алексѣя *Нарышкина*, князя *Шереметьева*; далѣе, графы Гавріилъ и Михаилъ *Головкины*, Андрей *Мятлевъ*, Ѳедоръ *Апраксинъ* и *Салтыковъ*. Всѣхъ больше обращалъ на себя вниманіе кавказскій принцъ, сынъ грузинскаго царя изъ фамиліи *Багратионовъ*, который, будучи свергнутъ съ престола своимъ братомъ, прибѣгъ подъ покровительство Царя и съ тѣхъ поръ жилъ въ Москвѣ. Онъ обыкновенно появлялся въ своемъ грузинскомъ нарядѣ, иногда съ восточнымъ великолѣпіемъ. Но самую интересною для исторіи личностью былъ, безъ сомнѣнія, Александръ *Меншиковъ*, — это злосчастное игралище измѣнчивой судьбы, сначала осчастливившей, а потомъ погубившей его. Возвысившись изъ разнощиковъ пироговъ до сана свѣтлѣйшаго князя Римской Имперіи, онъ, благодаря своимъ талантамъ и въ то же время гибкости своего характера, оставался дольше, чѣмъ кто-либо, особо близкимъ любимцемъ Царя, а впоследствии, приобрѣтя большія богатства и власть, какія не выпадали на долю ни одному подданному, онъ, чрезъ злоупотребленіе своею властью, неожиданно, подобно *Сеяну*, былъ низвергнутъ съ крутой скалы узурпированнаго могущества въ бездну нищеты и униженій.

Посольство, кромѣ того, сопровождалось еще корпусомъ изъ 40 волонтеровъ подъ начальствомъ князя Черкаскаго. Они были набраны изъ знатнѣйшихъ домовъ и служили заложниками вѣрности Царю оставшихся въ Россіи родителей ихъ. Кромѣ того, изъ гвардіи было выбрано 40 человекъ самыхъ высокихъ и самыхъ красивыхъ, чтобы фигурировать въ качествѣ гайдуковъ, драбантовъ (тѣлохранителей), ливрейныхъ слугъ и т. п. Общее число лицъ, составлявшихъ посольство и свиту, простиралось до 270 человекъ. Всѣ они были одѣты въ

роскошнѣйшіе костюмы, для чего были употреблены придворные праздничные наряды, драгоценности короны и проч.

Кромѣ большого числа векселей на Голландію и Англію была взята также большая сумма денегъ, какъ говорятъ—въ два милліона рублей, предназначенная на разныя покупки; также было взято съ собою большое количество драгоценныхъ мѣховъ и персидскихъ шелковыхъ матерій, предназначенныхъ для подарковъ.

На время своего отсутствія Петръ ввѣрилъ управленіе своимъ Царствомъ князю *Ромодановскому*, придавъ ему въ помощь своего дядю Льва *Нарышкина* и бояръ Тихона *Стрѣльникова* и Петра *Прозоровскаго*. Выборъ именно этихъ лицъ былъ сдѣланъ Царемъ по совѣту *Гордона*, сказавшаго Монарху: „я знаю ихъ какъ людей соперничающихъ между собою,—будучи поставлены столь близко одинъ къ другому, они станутъ соревновать между собою, также и въ добромъ управленіи государственными дѣлами, и въ то же время будутъ взаимно сдерживать другъ друга въ проявленіи личнаго честолюбія“.

Стрѣльцы были удалены изъ самой Москвы; управленіе войсками и заботы по охранѣ столицы были ввѣрены генералу *Гордону*.

Царь снарядилъ въ это время еще другое значительное посольство, а именно—въ Вѣну и въ Италію, поставивъ во главѣ его князя Бориса *Шереметева*; въ числѣ лицъ, составившихъ это посольство, было также нѣсколько дворянъ наиболѣе вліятельныхъ и безпокойныхъ, удаленіе которыхъ изъ Россіи признавалось Царемъ необходимымъ. Другіе знатные русскіе люди, также признанные опасными для государственнаго спокойствія, получили приказаніе отправиться въ свои родовыя помѣстья съ воспрещеніемъ, подъ страхомъ смертной казни, показываться въ Москвѣ и при дворѣ.

Согласно существовавшему въ тѣ времена обычаю Царь приказалъ довести до свѣдѣнія генеральныхъ штатовъ о намѣреніи его отправить посольство особымъ письмомъ, помѣченнымъ отъ 8-го марта и составленнымъ въ восточномъ стилѣ.

Скоро посольство это, вмѣстѣ со свитомъ, отправилось въ путь, но вслѣдствіе тяжелой болѣзни, постигшей Царя, оно принуждено было задержаться, между Москвою и россійскою границею, на шесть недѣль.

По выздоровленіи своемъ Петръ присоединился къ посольству, взявъ съ собою денщика, лакея и карла. Иногда онъ именовалъ себя старшимъ командиромъ, но обыкновенно назы-

вался *Петромъ Михайловымъ*, по имени своего дѣда, а не по имени отца — Алексѣя; вѣроятно, чтобы труднѣе быть узнаваемымъ. Онъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ обычаю простого народа, такъ какъ люди изъ высшихъ классовъ оканчивали свои отчества на „ичъ“, и на этомъ основаніи Петръ долженъ былъ бы называться не „Михайловымъ“ а „Михайловичемъ“.

Царь, подъ угрозой смертной казни, запретилъ открывать кому-либо, во время его путешествія, его монаршіи санъ; но вскорѣ оказалось, что исполненіе этого повелѣнія представляется невозможнымъ: вездѣ готовились большія торжества и дѣлались пышныя приготовленія къ встрѣчѣ посольства, что естественно, заставляло догадываться о присутствіи Царя.

Путешествіе изъ Риги въ Эммерихъ.

Рига была первымъ иностраннымъ торговымъ городомъ, который посѣтилъ Петръ на пути своемъ въ Голландію. Его жадное любопытство все видѣть и осмотрѣть было тѣмъ сильнѣе, что все было для него чуждымъ. Особое вниманіе Царя было обращено на крѣпостныя укрѣпленія, но графъ фонъ-*Гольбергъ*, шведскій комендантъ крѣпости, воспротивился желанію Царя осмотрѣть эти укрѣпленія. Такой отказъ со стороны коменданта, принятый Петромъ какъ оскорбленіе, послужилъ впоследствии предлогомъ для объявленія шведамъ войны, продолжавшейся такъ много лѣтъ.

Въ Митавѣ, при дворѣ герцога *Курляндскаго*, посольство было принято съ большимъ радушіемъ. Но нигдѣ не было устроено болѣе торжественнаго и блестящаго приѣма, какъ въ Кѣнигсбергѣ, при дворѣ курфюрста *Бранденбургскаго*.

Въ пышной аудіенціи, данной этимъ курфюрстомъ русскому посольству, послы благодарили, отъ имени Царя, курфюрста за присылку инженеровъ и бомбардировъ, которые были нужны для осады Азова, а самъ Царь, желавшій видѣть лично все торжество церемоніи, находился въ это время incognito среди посольства, будучи одѣтъ въ обыкновенное русское платье; но старанія его постоянно прикрывать лицо мѣховою шапкою, чтобы не быть узнаваемымъ, привлекали на него вниманіе и этимъ самымъ выдавали его присутствіе.

Царь, избѣгая всякаго придворнаго церемоніала, нѣсколько разъ посѣтилъ, запросто, курфюрста. Церемоніймейстеръ, фонъ-*Бессеръ*, напрягалъ всю свою изобрѣтательность, чтобы придум-

мать развлеченія для высокаго гостя. Петръ, которому здѣсь все нравилось и который чувствовалъ себя здѣсь какъ-бы перенесеннымъ въ другой міръ, не всегда соблюдалъ умѣренность за столомъ. Во время одного пиршества, когда было выпито свыше потребности жажды, дошло дѣло до того, что Петръ набросился на Лефорта. Считая для себя оскорбительнымъ одно изъ скаванныхъ Лефортомъ словъ, Царь обнажилъ саблю и вызвалъ своего друга на дуэль. „Монархъ стоитъ слишкомъ высоко надъ подданнымъ“, сказалъ Лефортъ,—„я предпочитаю умереть отъ руки своего государя!“—Петръ, однако, еще этимъ необезоруженный, поднялъ саблю. Одинъ изъ придворныхъ, по имени фонъ-Принкъ, имѣлъ присутствіе духа схватилъ руку Царя и этимъ, быть можетъ, спасъ Лефорту жизнь. Такой поступокъ позже былъ оцѣненъ Петромъ по достоинству, заслуживъ его одобреніе.

Въ Ригѣ Царь не могъ не чувствовать нѣкотораго стѣсненія. Кѣнигсбергъ былъ первымъ городомъ, гдѣ онъ могъ свободно предаться своей страсти все видѣть и все изучить. Онъ охотно посѣщалъ въ этомъ городѣ всевозможныя лавки и мастерскія заведенія, необыкновенно внимательно все осматривалъ и бралъ въ руки; по вечерамъ его столъ былъ заваленъ накопленнымъ имъ въ теченіе дня; особенно ему нравились здѣсь разныя токарныя издѣлія и работы изъ явтаря.

Однако, всѣ празднества, устраиваемыя при дворѣ, и всѣ торжественныя церемоніи вскорѣ надоѣли Царю, и онъ, быстро покинувъ Кѣнигсбергъ, въ то же время рѣшилъ избѣгать, въ дальнѣйшемъ путешествіи, другіе нѣмецкіе дворы. По совѣту полномочнаго отъ курфюрста, на котораго возложено было сопровождать посольства до Везеля и содержать его въ пути, въ Берлинѣ было рѣшено, чтобы избѣжать затрудненій въ пріисканіи столь большого числа лошадей, потребныхъ для экипажей, съ людьми и багажемъ, а равно въ пріисканіи помѣщеній для столь многочисленнаго состава посольства, раздѣлить его на двѣ части. Одна часть посольства направилась на югъ, черезъ Минденъ на Клеве, а другая часть—на сѣверъ, чрезъ Любекъ, Гамбургъ и Бременъ. Царь остался со второю половиною посольства.

Передъ отъѣздомъ изъ Кѣнигсберга, супруга бранденбургскаго курфюрста *Софія-Шарлотта*, отправлявшаяся въ это время къ своей матери, вдовствующей ганноверской электриссѣ, выразила желаніе повидаться еще разъ съ Царемъ. Мѣстомъ для такого свиданія былъ выбранъ замокъ, расположенный близъ

мѣстечка Коппенбрюгге, въ 4 миляхъ отъ Ганновера, и принадлежавшій принцу *Нассау-Дитцъ*, штатгальтеру Фрисланда.

Здѣсь собрались: российский государь, электрисса бранденбургская, ея мать *Софія*, герцогъ целльскій и нѣсколько принцевъ и принцессъ изъ дома брауншвейгскаго. Это свиданіе дало поводъ къ достопримѣчательной перепискѣ между собою двухъ курфюрстинъ, ганноверской и бранденбургской, которая бросаетъ много свѣта на характеръ и привычки Царя, а также лицъ, составлявшихъ посольство.

Петръ, повидимому, былъ очень доволенъ этимъ свиданіемъ. Но недостатокъ учтивости, якобы усмотрѣнный Петромъ въ наслѣдномъ принцѣ, впоследствии ставшемъ королемъ Англіи, положилъ начало тому личному нерасположенію, которое навсегда сохранилось у Царя къ этому Государю. „Во все время Царь любилъ англичанъ, но никогда не питалъ этого чувства къ королю *Георію I*“, сказалъ однажды *Минихъ*.

Магистраты упомянутыхъ торговыхъ городовъ прилагали все старанія, чтобы угодить Царю, оказывая ему все почести и расточая подарки, и въ особенности облегчая ему возможность осмотрѣть все интересовавшее его въ области торговли и мореплаванія; всемъ этимъ имѣлось въ виду задержать, на нѣкоторое время, посольство и снискать благосклонность Царя; но все было тщетно. Царь горѣлъ отъ нетерпѣнія увидѣть скорѣе Голландію; онъ не говорилъ ни о чемъ другомъ, какъ только объ этой странѣ, объ ея широкой торговлѣ и промышленности о характерѣ ея жителей, о склонности ихъ къ наукамъ и искусствамъ и вообще о всемъ томъ, къ чему устремлялись собственныя его великія мысли.

Иногда Царь выѣзжалъ впередъ, одѣтый въ костюмъ простаго голландскаго моряка; и чѣмъ ближе подѣзжалъ онъ къ границамъ Голландіи, тѣмъ сильнѣе загоралось въ немъ желаніе видѣть скорѣе Заандамъ.

И вотъ, прибывъ въ Эммерихъ, Царь, самымъ неожиданнымъ образомъ отдѣлившись отъ посольства, задумалъ привести въ исполненіе одну изъ главнѣйшихъ цѣлей своего путешествія—теперь же посѣтить Заандамъ и прожить здѣсь нѣкоторое время въ тѣхъ самыхъ условіяхъ, какъ жили заандамскіе его друзья, оставаясь никому неизвѣстнымъ, свободнымъ отъ всякаго этикета и блеска, чтобы осмотрѣть все, о чемъ онъ такъ много слышалъ, и поучиться здѣсь и самому и въ то же время научить своихъ лучшихъ друзей всему тому, что имѣетъ отношеніе къ кораблестроенію. Недостаточная продуманность и нетактичность этого

плана имѣли естественнымъ своимъ послѣдствіемъ то, что въ исполненіи этого плана Царь встрѣтилъ немалыя затрудненія.

Путешествіе Царя изъ Эммериха въ Заандамъ и пребываніе въ немъ.

Въ Эммерихѣ Царь пожелалъ нанять небольшую шлюпку, чтобы отправиться на ней въ Заандамъ, но хозяинъ этого судна сначала не соглашался ѣхать, такъ какъ не зналъ фарватера въ ту сторону, однако же вскорѣ пришли ко взаимному соглашенію, порѣшивъ, что когда доберутся до Амстердама, то тутъ и можно будетъ собрать необходимыя свѣдѣнія для дальнѣйшаго пути въ Заандамъ. Такимъ образомъ поплыли внизъ по Рейну и 17-го августа (1697 г.), въ субботу, послѣ полудня, проѣхавъ чрезъ Утрехтъ, Петръ прибылъ въ Амстердамъ. Какъ ни убѣждали Царя лица, составлявшія его свиту, остановиться здѣсь на короткое время, чтобы нѣсколько отдохнуть—все было тщетно. Царь пронесся чрезъ Амстердамъ съ быстротою молніи. Однако же, по вѣкоторымъ непредвидимымъ обстоятельствамъ.— все-таки пришлось вскорѣ остановиться у такъ называемаго Оостзаанеръ Овертоомъ, въ одномъ лье отъ Заандама, и переночевать здѣсь.

Уже рано утромъ на слѣдующій день отправились въ дальнѣйшій путь по направленію къ Заандаму; около 6 часовъ, подойдя къ Фоорзанну, замѣтили въ лодкѣ человѣка, который ловилъ угрей. Въ немъ узнали нѣкоего *Геррита Киста*, работавшаго раньше, въ качествѣ кузнеца, въ Россіи.

Узнавшіе его русскіе стали кричать ему: „ей, кузнецъ, кузнецъ! Иди къ намъ!“ Кистъ, взглянувъ въ сторону кричавшихъ, былъ въ высшей степени удивленъ при видѣ страннаго судна съ незнакомыми людьми; но когда онъ перешелъ на бортъ этого судна, онъ былъ еще болѣе пораженъ, замѣтивъ тутъ, въ числѣ другихъ лицъ, могущественнаго Царя Московскаго; Государь встрѣтилъ его очень милостиво, заявивъ ему въ то же время о своемъ непремѣнномъ желаніи остановиться у него въ домѣ. Никакія отговорки и указанія Киста на мизерность его жилища и домашней обстановки, совсѣмъ не приличествующихъ высокой особѣ Монарха—не могли заставить Петра отказаться отъ своего намѣренія. Царь настаивалъ на своемъ, и тогда было рѣшено одну вдову, занимавшую въ домѣ Киста помѣщеніе, уговорить—уступить, за плату, это помѣщеніе и перейти

на жительство къ своему отцу; такъ именно и удалось потомъ устроить, уплативъ семь гульденовъ вдовѣ. Такимъ образомъ, названное помѣщеніе, состоявшее изъ одной комнаты и небольшой вышки, и сдѣлалось жилищемъ російскаго Монарха. Кистъ долженъ былъ дать клятвенное обѣщаніе—никому не говорить о новомъ своемъ жильцѣ и о высокомъ его яваніи.

Когда судно подошло къ берегу, Петръ соскочилъ первымъ на землю, держа въ рукахъ канатъ, которымъ и прикрѣпилъ судно.

Царь былъ одѣтъ въ обыкновенное шкиперское платье, состоящее изъ красной куртки и бѣлыхъ полотняныхъ шароваръ. Остальныя лица изъ Свиты его были одѣты въ русскіе костюмы. Неудивительно поэтому, что пріѣзжіе обратили на себя общее вниманіе и вскорѣ собрали вокругъ себя большую толпу любопытныхъ. Царь направился, со своими спутниками, на постоянный дворъ; но онъ скоро также наполнился праздными звѣнаками. Это заставило Царя потребовать для себя отдѣльную комнату и въ то же время онъ послалъ въ толпу своего толмача, чтобы поразвѣдать—что говорятъ о немъ. Когда же Царь узналъ, что ихъ принимаютъ за лицъ, принадлежащихъ къ большому російскому посольству, о которомъ въ это время уже много говорили, то приказалъ распустить слухъ, что они совсѣмъ простые люди, которые пришли въ Заандамъ искать работы; однако же этому никто не хотѣлъ вѣрить. Богатая одежда на нѣкоторыхъ изъ нихъ, бѣлыя руки у большинства, наконецъ, полныя золота кошельки у каждаго изъ пріѣзжихъ,—все это слишкомъ противорѣчило пущенному слуху.

Свита Царя состояла изъ шести человекъ. Можно предполагать, что въ числѣ ихъ были Меншиковъ и Нестесураной (?), съ положительною достовѣрностію извѣстно, что князь *Баттионъ* и Николай *ванъ-дербъ-Гультъ*, сынъ одного изъ компаньоновъ голландскаго торговаго дома *ванъ-Дунсъ* въ Архангельскѣ, а можетъ быть и самъ этотъ компаньонъ—служили переводчиками. Четверо изъ свиты въ тотъ же день наняли для себя помѣщеніе въ одномъ частномъ домѣ, занятомъ въ то время Яковомъ *ванъ-дербъ-Линде*. У потомковъ этого послѣдняго сохранилось, по преданію, воспоминаніе о томъ, что образъ жизни, установленный Петромъ для жившихъ съ нимъ въ домѣ *ванъ-дербъ-Линде* русскихъ, далеко не былъ пріятенъ для нихъ. Непривычная для нихъ работа казалась имъ очень тяжелою. Къ тому же они горько жаловались и на то, что ихъ оторвали

отъ ихъ семей, и въ особенности печалился объ этомъ одинъ изъ нихъ, который только-что въ прошломъ году женился и теперь принужденъ былъ оставить дома свою молодую супругу, имѣвшую скоро сдѣлаться матерью.

Для Царя Петра было очень тягостно провести первый день по приѣздѣ своемъ (воскресенье) въ праздности, особенно неприятно ему было видѣть большое столпленіе народа, которое хотя и всегда было въ этой мѣстности весьма значительнымъ по воскреснымъ днямъ, но теперь, когда распространился слухъ о приѣздѣ важныхъ чужеземцевъ, здѣсь и поселившихся, это столпленіе народа увеличилось еще больше.

Первымъ дѣломъ, за которое Царь взялся на слѣдующій день, было приобрѣтеніе имъ покупкою въ лавкѣ, принадлежавшей вдовѣ Якова *Оомеса*, большого количества плотничныхъ инструментовъ. Царь самъ принесъ ихъ домой, и затѣмъ переодѣвшись въ особую блузу, тотчасъ же, съ большою горячностью приступилъ къ работѣ. Ему хотѣлось сдѣлать купальный чанъ, а также и другія вещи.

Лица, принадлежавшія къ свитѣ Царя, на разспросы у нихъ разныхъ лицъ, отвѣчали, что они пробудутъ здѣсь всю зиму и займутся кораблестроеніемъ и различными мастерствами, а также осмотромъ страны и разныхъ ея достопримѣчательностей.

Въ этотъ же день Царь, подъ именемъ *Петра Михайлова*, былъ принятъ работникомъ на корабельную верфь *Линста Роие*, расположенную на Бейтензаанѣ. Съ топоромъ въ рукѣ онъ работалъ вмѣстѣ съ другими плотниками, съ большою охотою исполняя всѣ приказанія мастера и въ то же время неустанно разспрашивая его о мельчайшихъ подробностяхъ работы.

Царь пожелалъ навѣстить женъ и родителей тѣхъ голландцевъ, которыхъ онъ зналъ, по дѣламъ, въ Москвѣ и въ Архангельскѣ. Утромъ онъ отправился къ Маріи *Гитмансъ*, бѣдной вдовѣ, которая, тѣмъ не менѣе, озаботилась достать для него кружку любимой имъ можжевеловой водки, и Царь выпилъ ее съ большимъ удовольствіемъ. У другой женщины, жены Яна *Ренсена*, которому Царь оказывалъ большое расположеніе и вниманіе какъ искусному кораблестроителю, онъ принялъ участіе въ очень скромномъ обѣдѣ. При одномъ изъ своихъ посѣщеній Царь встрѣтилъ Антье, жену Арріенъ *Меетъе*, которая спросила у него про своего мужа. Онъ отвѣчалъ, что отлично знаетъ этого добраго малаго и что даже недалеко отъ него работалъ на суднѣ. Она спросила его: „развѣ и онъ также кора-

бельный плотникъ?“ на что Царь отвѣчалъ, съ довольнымъ видомъ: „да, я также плотникъ“.

Въ то время, какъ Царь сидѣлъ въ гостяхъ у Антона *ванъ-Коувенгове*, дочь котораго жила въ Архангельскѣ, а сынъ находился въ Москвѣ, явился съ визитомъ въ этотъ же домъ. Иоганъ *Вересръ*, протестантскій пасторъ въ Вестзаандамѣ, въ сопровожденіи другого почтеннаго лица, Ванъ-Коувенгове, идя навстрѣчу новымъ гостямъ, сказалъ имъ: „взгляните повнимательнѣе на того, кто выше всѣхъ ростомъ; когда они всѣ уйдутъ, я вамъ открою—кто эта знатная особа; теперь же, покуда эти господа остаются въ нашей странѣ, мы не можемъ открыть ихъ инкогнито“. И въ этомъ же духѣ говорилось хозяиномъ дома каждый разъ, какъ приходилъ пасторъ.

Между тѣмъ, Царь въ понедѣльникъ отдалъ приказаніе, чтобы всѣ лица изъ его свиты озаботились приобрѣсти себѣ заандамскіе костюмы, и это должно было быть исполнено со всею поспѣшностью. Въ виду этого, въ тотъ же день, портной отправился въ Амстердамъ, чтобы поставить на эту работу сразу нѣсколько человекъ.

Въ слѣдующій вторникъ Царь купилъ у Вильгельма *Гармензоона*, по профессіи красильщика, ялботъ, или легкое весельное судно, заплативъ за него, послѣ долгаго торга, 40 гульденовъ и кружку пива, которую они и распили вмѣстѣ въ одномъ изъ трактирчиковъ близъ Овертоома.

Царь захотѣлъ посѣтить, также не открывая себя, вдову Николая *Виллемзоона Муша*, которой онъ еще прежде послалъ въ подарокъ пятьсотъ гульденовъ. Она была заранѣе подготовлена къ этому посѣщенію и ей внушено было, что она должна будетъ сказать, когда придетъ къ ней незнакомый ей чужестранецъ, а именно, что она боится, что не сумѣетъ выразить достаточно сильно свою благодарность Царю; поэтому она убѣдительноше проситъ посѣтившаго ее господина, если только онъ имѣетъ возможность говорить съ Его Царскимъ Величествомъ, доложить Царю—насколько полученный ею подарокъ цѣненъ для нея въ ея вдовьемъ положеніи и въ то же время выразить отъ нея всепочтительнѣйшую сердечную ея благодарность. Она такъ и поступила. Петръ отвѣтилъ, что она можетъ быть вполне спокойна за то, что все это будетъ въ точности доведено до свѣдѣнія Царя. Предложеніе вдовы, съ которымъ она обратилась къ гостю, остаться у нея откусать хлѣба-соля—было принято Государемъ весьма охотно.

Ближайшіе дни Петръ посвятилъ подробному осмотру въ

Заандамъ, кромѣ верфей, также и фабрикъ, мастерскихъ складовъ. Онъ посѣтилъ масленную, пильную и бумажную мельницы, а также канатную и парусную фабрики, наконецъ, желѣзныя и компасныя мастерскія. Повсюду онъ проявлялъ необыкновенную любознательность и часто спрашивалъ о томъ, что значительно превышало познанія тѣхъ, къ кому онъ обращался съ разспросами. Его тонкая наблюдательность и особый даръ пониманія—не уступали его необыкновенной памяти. Многіе поражались также особою ловкостью его въ работѣ, которою онъ превосходилъ иногда даже болѣе опытныхъ въ дѣлѣ людей. Такъ, рассказываютъ, что, находясь на одной бумажной мельницѣ и осмотрѣвъ все интересовавшее его, Царь взялъ изъ рукъ мастера форму, которою тотъ черпалъ бумажную массу, и отлилъ такой образцовый листъ бумаги, что никто другой не сумѣлъ бы сдѣлать это лучше. Самъ Царь такъ былъ доволенъ этимъ опытомъ, что подарилъ мастеру рейксталеръ,—такая щедрость была тѣмъ удивительнѣе, что Царь обычно проявлялъ скорѣе скупость, чѣмъ расточительность.

Тайна о высокому санѣ Петра была извѣстна уже слишкомъ многимъ лицамъ, чтобы она оставалась не открытою долгое время; уже со вторника распространился повсюду слухъ, что въ числѣ прибывшихъ чужеземцевъ находится чрезвычайно высокая особа. Въ среду тайна уже раскрылась въ всей полнотѣ.

Одинъ житель Заандама, работавшій въ Россіи, прислалъ своему отцу письмо, въ которомъ сообщалъ, что „въ Голландію отправилось большое посольство; что къ нему присоединился и самъ Царь, который, вѣроятно, посѣтитъ и Заандамъ; но что онъ желаетъ путешествовать инкогнито; однако его легко можно узнать по его высокому росту, по нервнымъ движеніямъ головы и правой руки, а также по небольшой бородавкѣ на правой щекѣ“.

Отецъ прочиталъ, въ среду, это письмо въ одной цирюльнѣ в . присутствіи хозяина ея, нѣкоего *Помпа*; случайно, вскорѣ послѣ этого, сюда явились также чужеземцы. Цирюльникъ, дѣйствительно, нашелъ въ самомъ представительномъ изъ нихъ всѣ тѣ примѣты, которыя были указаны въ только-что прочитанномъ письмѣ. Какъ же могъ, послѣ этого, цирюльникъ умолчать о сдѣланномъ имъ подобномъ открытіи! И вотъ, о тайнѣ зазвонили во всѣ колокола, и полученное извѣстіе о томъ, что „самый высокій“ изъ иностранцевъ былъ Царь, русскій Императоръ, скоро распространилось повсюду. Нашлись, однако, люди, которые не вѣрили этимъ слухамъ, и такіе спѣшили

отправиться къ Герриту *Кисту* и Антонію *Коувеновену*, а также къ упомянутымъ выше женщинамъ, чтобы узнать отъ нихъ правду. Всѣ пока еще отрицали слухи; но жена Киста, по имени Неэль *Максъ*, обращаясь къ мужу, сказала: „Герритъ, я не могу больше терпѣть, чтобы вы грѣшили противъ правды“.

Между тѣмъ, случилось и еще нѣчто, что могло повести къ неожиданнымъ послѣдствіямъ.

Петръ купилъ себѣ однажды сливъ и, положивъ ихъ въ свою шляпу, которую онъ держалъ въ рукѣ, ѣлъ ихъ, продолжая идти по улицѣ. Его окружила толпа мальчишекъ; онъ обратился къ нѣкоторымъ изъ нихъ, болѣе приглянувшимся ему, и, спросивъ ихъ: „хотите, ребята, сливъ?“ роздалъ имъ нѣсколько штукъ; другіе мальчишки также стали просить, говоря: „дай и намъ немного“, Петръ отказалъ имъ, находя,— по словамъ Ноомена,—для себя забаву въ томъ, чтобы однихъ полакомить, а другихъ подразнить; это скоро вызвало шумъ и нѣкоторый беспорядокъ, перешедшіе затѣмъ въ грубости и дерзости со стороны мальчишекъ, а наконецъ—и въ буйныя ихъ выходки: сначала они стали бросать въ Царя грязью и разнымъ мусоромъ, а потомъ—и камнями, одинъ изъ которыхъ и попалъ ему въ затылокъ, причинивъ ему при этомъ значительную боль. Царь укрылся въ гостиницу „Три Лебедя“ и немедленно потребовалъ къ себѣ бургомистра.

Нѣкоторые изъ почтенныхъ гражданъ, бывшіе свидѣтелями этого происшествія, сочли необходимымъ сообщить обо всемъ этомъ начальственнымъ лицамъ города и, вмѣстѣ съ другими, стали поджидать на набережной прибытія 2-хъ часового срочнаго судна изъ Амстердама, на которомъ должны были вернуться съ ярмарки именитѣйшіе торговые люди, а съ ними и большинство членовъ муниципальнаго управленія. Къ этой собравшейся толпѣ подошелъ одинъ корабельщикъ, бывавшій въ Россіи, и сказалъ: „я вамъ могу точно сообщить—Царь это или нѣтъ,—только бы мнѣ взглянуть на него“. Войдя въ гостиницу, онъ тотчасъ же узналъ Царя, который въ это время пилъ здѣсь чай; немедля вернувшись къ толпѣ, онъ громко закричалъ: „конечно, это Царь;—это такъ же вѣрно, какъ то, что всѣ мы еще живемъ на землѣ,—я-то знаю московскаго Царя—какъ нельзя лучше“.

Алевинъ *Виллемсзонъ Іооръ*, бургомистръ, пріѣхавъ на ожидавшемся суднѣ и получивъ подробное сообщеніе о происшедшемъ, рѣшилъ, по обсужденіи совмѣстно съ Яномъ *Корнелисзономъ Нооменомъ* (авторомъ журнала) и съ другими членами

городского магистрата, немедленно обнародовалъ распоряженіе, которымъ строжайше внушалось всѣмъ жителямъ, чтобы: „по отношенію къ высокимъ особамъ, находящимся среди пріѣхавшихъ въ городъ чужеземцевъ и желающихъ оставаться неизвѣстными, никто не осмѣливался чинить ни малѣйшей обиды или оскорбленія“. Приняты были и другія мѣры для охраны Царя и, между прочимъ, въ виду того, что Петръ былъ очень недоволенъ тѣмъ, что около его дома собираются толпы любопытнаго народа, распорядились дорогу на Кримпъ, ведущую къ его жилищу, охранять особою стражею.

И такъ, то самое, что раньше всѣми только подозрѣвалось, теперь обратилось для всѣхъ уже въ положительную увѣренность, и отрицаніе—теперь уже теряло всякій смыслъ.

Вечеромъ того же дня Государь посѣтилъ *Корнелия Михельсона Кальфа*, знатнѣйшаго въ то время негоціанта въ Заандамѣ. Государь былъ приглашенъ къ столу, но такъ какъ въ это же время къ Кальфу пришли въ гости другіе почетнѣйшіе купцы, то Государь, поблагодаривъ хозяина, отказался отъ обѣда, но скушалъ нѣсколько конфетъ и выпилъ тонкаго ликеру. Бургомистръ *Горъ* и членъ муниципальнаго управленія *Клаасъ Арендсзонъ Блюмъ* спросили переводчика: „не пожелаетъ ли его господинъ сдѣлать имъ честь откусать съ ними рыбы, приготовленной по-заандамски“—и получили на это отвѣтъ, что „съ ними нѣтъ здѣсь господина, но что онъ еще пріѣдетъ“. Царь, будучи освѣдомленъ, что бургомистръ, обнародовавшій приведенное выше распоряженіе, въ дѣляхъ охраны иностранцевъ, присутствуетъ тутъ же, вѣжливо привѣтствовалъ его, приподнявъ свою шляпу. Позже пришелъ также въ домъ Кальфа членъ муниципалитета и врачъ *Клаасъ (Николай) Мелькпотъ*, котораго Государь, какъ кажется, раньше спрашивалъ и съ которымъ теперь вступилъ въ продолжительную бесѣду.

Мейнертъ Арендсзонъ Блюмъ, также одинъ изъ крупнѣйшихъ негоціантовъ, сдѣлалъ визитъ лицамъ, состоящимъ въ свитѣ Царя. Онъ предложилъ имъ воспользоваться домомъ, расположеннымъ на восточной сторонѣ города, очень просторнымъ и съ садомъ, полнымъ фруктовыхъ деревьевъ. На такое предложеніе ему отвѣтили, что они не какіе-нибудь знатные господа, а маленькіе люди, и поэтому то жилище, которое они теперь занимаютъ, совершенно для нихъ достаточно. Вступивъ затѣмъ въ разговоръ съ самимъ Царемъ, *Блюму* удалось пріобрѣсти расположеніе Монарха, который и впоследствии удостоивалъ какъ его, такъ и Кальфа особымъ довѣріемъ.

Въ четвергъ Царь, въ сопровожденіи упомянутого выше *Мейнерта Арендсзоона Бюма*, отправился на парусной лодкѣ вверхъ по Заану. Здѣсь у Государя и явилось сильное желаніе посѣтить тѣ и другія фабрики, въ особенности фабрику крахмальную и мельницу для приготовленія ячной крупы. Весьма возможно, что именно во время этой прогулки по Заану Петръ, замѣтивъ у Кальера, напротивъ Заандейка, одну изъ мельницъ, еще не законченную постройкою, пожелалъ осмотрѣть ее и ознакомиться во всѣхъ подробностяхъ съ тѣмъ, что его болѣе интересовало, а въ то же время и поработать, собственными руками, при постройкѣ мельницы. Въ память этого новая мельница тогда же и была названа „мельницею Царя Московскаго“, а нынѣ она извѣстна подъ нѣсколько измѣненнымъ названіемъ „мельница Великаго Государя“.

Слухи, что Императоръ Россійскій работаетъ, какъ простой плотникъ, на корабельной верфи въ Заандамѣ, быстро долетѣли и до Амстердама, а скоро разошлись и по всей странѣ, хотя и не опирались на какихъ-либо несомнѣнныхъ свидѣтельствъ; но было еще много людей, которые не допускали возможности вѣрить подобнымъ слухамъ; многіе бились объ закладъ на большія суммы, что это, конечно, не самъ Царь, а кто-либо изъ членовъ его посольства.

Амстердамскіе негоціанты, торговавшіе въ Россіи, уже въ среду вечеромъ узнали эти новости. Нѣкто *Гоутманъ*, также крупный негоціантъ, жившій раньше въ Архангельскѣ и тамъ неоднократно принимавшій у себя Царя, поспѣшилъ отправить въ Заандамъ одного изъ своихъ маклеровъ, до котораго также уже дошли слухи, Якова *Ейсбрандса*, съ цѣлью удостовѣриться въ справедливости этихъ слуховъ. Прибывъ рано утромъ въ Заандамъ, посланный увидѣлъ Государя и хотя несомнѣнно призналъ его, но не осмѣлился заговорить съ нимъ. Страшно растерявшись, посланный, какъ записываетъ *Нооменъ*, былъ совершенно ошеломленъ при видѣ Царя: блѣдный, какъ мертвецъ, въ сильномъ волненіи, онъ могъ только произнести: „да, это самъ Царь; но какъ и зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ“!? Онъ поспѣшилъ вернуться къ своему патрону, чтобы сообщить ему достовѣрныя свѣдѣнія. Гоутманъ сѣлъ на отходящее въ 2 часа дня парусное судно и отправился въ Заандамъ и вмѣстѣ съ другимъ крупнымъ негоціантомъ, торговавшимъ въ Россіи, *Воутеръ-де-Юнгъ*, вскорѣ оба имѣли честь быть принятыми Государемъ и вступить съ нимъ въ продолжительную бесѣду. Они не могли не высказать ему откровенно, какъ они пора-

жены, найдя его здѣсь и въ этой одеждѣ. „Ну, какъ видите“, отвѣтилъ имъ Царь. Обои́мъ имъ былъ оказанъ весьма мило- стивый пріемъ.

Въ этотъ же день Государь купилъ у *Дирка Штоффельса* небольшую яхту (буэръ), со всѣми къ ней принадлежностями, за 150 гульденовъ. Онъ тотчасъ же снялся съ якоря, сдѣлавъ собственными руками бушпритъ. и работа эта, по мнѣнію знатоковъ, была настолько хороша, что, по свидѣтельству Ноомена, всѣ были необыкновенно удивлены, что лицо такого высокаго происхожденія можетъ работать такъ старательно, до пота своего лица, и въ то же время такъ искусно. *Генрихъ Мушъ*, братъ *Клааса* (Николая) *Муша*, о которомъ уже упоминалось, былъ взятъ на судно въ качествѣ матроса. Государь скоро такъ привязался къ этому послѣднему, что разрѣшилъ не только лично ему, но и женѣ его и вдовѣ брата во всякое время, даже когда онъ будетъ находиться въ Амстердамѣ, свободный доступъ къ своей персонѣ. Случалось не разъ, что онъ угощалъ кого-нибудь изъ нихъ за своимъ столомъ и одарялъ ихъ подарками ¹⁾.

Теперь, когда Царь обладалъ яхтою, онъ, имѣлъ полную возможность удовлетворить своему пристрастію къ парусному плаванію. Въ пятницу, утромъ, около 4-хъ часовъ, онъ былъ уже на водѣ, и, стоя у руля, носился на парусахъ то по Заану, то по заливу И. Около полудня онъ поплылъ къ Биннензаану въ сопровожденіи *Корнелія Камфа*, у котораго онъ въ этотъ день и обѣдалъ. Послѣ обѣда снова подняли паруса и направились къ Фоорзану и къ заливу И., а потомъ, когда къ яхтѣ Царя присоединилось много другихъ заандамскихъ яхтъ и буэровъ, Петръ, находясь на пол-дорогѣ къ Гаарлему, повернулъ къ берегу и скоро присталъ къ нему. Здѣсь могли видѣть, съ какимъ особымъ проворствомъ Петръ работалъ на своей яхтѣ, перебѣгая, перепрыгивая и лазя на борту своего судна; но могли въ то же время замѣтить и тѣ грозные взгляды, которые Царь бросалъ, когда кто-либо подходилъ къ нему слишкомъ близко и назойливо заглядывалъ ему прямо въ лицо; на счетъ вспыльчиваго характера Царя *Гоутманъ* и *де-Юнгъ* уже предупреждали своихъ заандамскихъ друзей. Но *Корнелію Альбертзоону Блоку* (называемому также *Корнеліемъ*

¹⁾ У потомковъ *Клааса Муша*, проживающихъ нынѣ въ Ольдебоорнѣ, въ Фрисландѣ, сохраняются до сихъ поръ нѣкогда подаренные Царемъ Петромъ два гладкихъ золотыхъ кольца.

Примѣч. автора.

Марсеномъ) хотѣлось все-таки взглянуть на Царя какъ можно ближе; зато онъ и получилъ отъ него здоровый ударъ по головѣ. Кто-то изъ толпы закричалъ: „ну вотъ, Марсье, ты пожалованъ въ рыцари“; это прозвище „рыцаря“ съ тѣхъ поръ такъ и осталось за нимъ навсегда.

Число подходившихъ къ яхтѣ Петра увеселительныхъ лодокъ, переполненныхъ любопытными, все болѣе и болѣе увеличивалось; это крайне не нравилось Петру, и онъ рѣшилъ остаться до вечера въ гостиницѣ и вернуться обратно въ Заандамъ только подъ покровомъ ночи.

Корнелій *Кальфъ* задумалъ на слѣдующій день спустить въ докъ большое, вновь построенное, судно. Муниципалитетъ Заандама оповѣстилъ объ этомъ Царя, въ полной увѣренности, что онъ будетъ очень доволенъ случаемъ присутствовать на замѣчательномъ опытѣ примѣненія могущественнаго дѣйствія механическихъ силъ. Кромѣ того, Царю сообщили, что будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы онъ могъ видѣть все въ полной безопасности и безъ помѣхи со стороны уличныхъ вѣвакъ, и что съ этою цѣлью для него и для его свиты будетъ оставлено достаточное мѣсто, огражденное палисадами и охраняемое часовыми. Въ то же время члены муниципалитета просили Царя оказать имъ честь пожаловать на устраиваемый ими обѣдъ. На первую просьбу Петръ далъ свое согласіе, а на вторую—онъ отвѣтилъ уклончиво слѣдующими словами: „*пожалуй, на этой недѣль не могу; можетъ быть — на будущей недѣль*“.

Въ субботу наплывъ любопытныхъ, пришедшихъ изъ Амстердама и окрестныхъ мѣстъ, былъ такъ великъ, что скоро всѣ предпринятая мѣры оказались тщетными: поставленныя огражденія моментально были опрокинуты, а часовые—сбиты со своихъ мѣстъ.

Царь, увидя еще утромъ всѣ крыши и окна облѣпленными людьми, былъ такъ разгнѣванъ, что рѣшилъ оставаться дома. Между тѣмъ, городской судья, два бургомистра, три члена муниципалитета и секретарь отправились къ Царю. Онъ принялъ ихъ вѣжливо и, протянувъ имъ руку, отвѣтилъ: „сейчасъ, сейчасъ“. Но когда онъ черезъ двери увидѣлъ большую толпу народа, его охватило внезапно сильное безпокойство. Замѣтя это, бургомистры предложили ему провезти его на его яхтѣ къ одному дому, изъ оконъ котораго ему будетъ все видно и въ то же время никто не будетъ его тревожить. На это, казалось, Петръ согласился и хотѣлъ уже одѣваться, но, взглянувъ опять

на громадную толпу, воскликнулъ: „слишкомъ много народу, слишкомъ много“, и съ гнѣвомъ захлопнулъ дверь. Члены муниципалитета принуждены были удалиться въ большомъ огорченіи; судно было выведено въ докъ, и тысячи народа, пришедшаго со всѣхъ сторонъ въ Заандамъ, чтобы увидѣть здѣсь русскаго Царя, были сильно разочарованы въ своихъ ожиданіяхъ.

На другой день, въ воскресенье, наплывъ любопытныхъ у дока былъ еще значительнѣе, такъ что по этому поводу въ народѣ говорили, что „было многолюднѣе, чѣмъ на ярмаркѣ“, а сказать это въ Заандамѣ, куда на ярманку всегда стекалась масса народу, значило очень много. Уже рано утромъ на Кримпслоотѣ появилось несмѣтное число лодокъ, переполненныхъ людьми, и съ часу на часъ стеченіе народа увеличивалось. Часовые, поставленные на мостахъ, по распоряженію городского судьи *Бма*, въ удвоенномъ числѣ, уже скоро оказались оттиснутыми отъ своихъ мѣстъ. Петръ, не рѣшаясь выйти изъ дому, съ ужасомъ смотрѣлъ на столпленіе народа, которое вызывало въ немъ сильнѣйшее нервное волненіе, перешедшее, наконецъ, въ какое-то изступленіе. Сообщили объ этомъ членамъ магистрата, прося ихъ о принятіи мѣръ противъ ужасающаго наплыва народа на улицахъ. Но и магистратъ былъ безсиленъ что-либо предпринять противъ все болѣе и болѣе возрастающаго потока людей, прибывавшихъ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, было рѣшено—царскую яхту съ того мѣста, гдѣ она обыкновенно стояла, у шлюза Горна, подвести ближе къ жилищу Царя и, уже послѣ того, какъ очистили дорогу, насколько это представлялось возможнымъ сдѣлать, Царь вышелъ изъ дому и направился къ своей яхтѣ, чрезъ небольшой мостъ на южной сторонѣ Кримпа, съ трудомъ, пробираясь черезъ толпу, а иногда даже съ силою расталкивая ее, когда ему совсѣмъ загоразивали дорогу. Не раньше какъ къ часу дня Царь добрался до своей яхты.

Крѣпкій вѣтеръ, который дулъ съ самаго утра, теперь достигъ почти силы урагана; но это отнюдь не остановило Царя, и онъ не внимая никакимъ совѣтамъ и предупрежденіямъ, пустился, на легкомъ своемъ суднѣ, въ море, подвергаясь не малой опасности. Уже въ самомъ началѣ значительная часть такелажа сильно потерпѣла. Опытные моряки, встрѣтившіе Царскую яхту, предупреждали^с Петра объ опасности, которой онъ подвергался, идя на парусахъ; но онъ ничего не хотѣлъ понимать, ничего не хотѣлъ слушать. Наконецъ, къ 4-мъ часамъ дня, яхта прибыла къ Амстердаму, бросивъ якорь у старой городской гости-

ницы. Но такъ какъ Царскую яхту уже многіе знали и, кромѣ того, другія суда, хотя отправившіяся изъ Заандама одновременно съ яхтою, но опередившія ее и прибывшія въ Амстердамъ раньше, успѣли уже и здѣсь сообщить о скоромъ прибытіи Царя, то у входа въ портъ собралось также множество любопытныхъ, которые, тѣсня одни другихъ, вызвали и здѣсь большой безпорядокъ. Нѣсколько человѣкъ, изъ числа наиболѣе назойливыхъ и дерзкихъ, и были награждены отъ Царя и его свиты здоровыми, до крови, тумаками; но за эти удары никто и не подумалъ сердиться. Къ счастью, безпорядокъ въ толпѣ скоро былъ прекращенъ, а Царя провели въ гостиницу, назначенную для русскаго посольства и куда уже прибыло нѣсколько человѣкъ изъ этого посольства, пріѣхавшихъ отдѣльно.

Такимъ образомъ пребываніе Царя въ Заандамъ ограничилось одною недѣлею, но сношенія его съ нѣкоторыми изъ жителей этого города, которыхъ онъ не рѣдко навѣщалъ, продолжались до самаго отъѣзда Петра изъ Голландіи.

А. С. Лацинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).